

О. Г. Згурская

**ИЗ ОПЫТА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»
А. С. ПУШКИНА И «THE CITY OF THE PLAGUE» («ГОРОД ЧУМЫ»)
ДЖ. ВИЛЬСОНА: О ФОРМАХ «СГУЩЕНИЯ» ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ДРАМАТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ**

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,
Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, 21-я линия Васильевского острова, 2

В статье рассматриваются концептуальные различия трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы» и ее первоисточника — отрывка из «The City of the Plague» Дж. Вильсона. Несмотря на известную близость сюжетов пушкинской трагедии и фрагмента драмы Вильсона, сравнительный анализ образной системы данных произведений показывает их сущностное различие: пример духовной отваги перед лицом смерти у Пушкина и полного фиаско человека в той же ситуации у Вильсона. При этом основные различия отражены в системе сравнительных конструкций, используемых главным героем рассматриваемых драматических произведений. Библиогр. 14 назв.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, синтаксис, возможные миры, правдоподобие художественного произведения, первая Болдинская осень.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE “FEAST IN TIME OF PLAGUE” BY A. S. PUSHKIN AND
“THE CITY OF THE PLAGUE” BY J. WILSON**

O. G. Zgurskaya

The National Mineral Resources University (previously the Mining Institute),
2, 21 liniya Vasilevskogo Ostrova, St. Petersburg, 199106, Russian Federation

The article discusses the conceptual differences between the tragedy of A. S. Pushkin “Feast in Time of plague” and its source, that is an excerpt from “The City of the Plague” by J. Wilson. Although the literary works are interrelated, a comparative analysis of the imagery of these works reveals an essential difference: spiritual courage in the face of the death in Pushkin’s work and complete fiasco of a person in Wilson’s. The main differences are reflected in the system of comparative constructions used by the main character. Refs 14.

Keywords: comparative constructions, syntax, possible worlds, credibility of the work of art, the first Boldin Autumn.

В книге Л. Р. Зиндера и Ю. С. Маслова «Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог» исследована концепция Л. В. Щербы, связанная с принципами художественного поэтического перевода «Ein Fichtenbaum» («Сосна») Гёте в интерпретации М. Ю. Лермонтова. Подводя итог осмыслению лермонтовского опыта, авторы пишут: «Л. В. Щербе удалось доказать, что лермонтовский текст это совершенно самостоятельное произведение, со своей идеей, со своими художественными образами и приемами» [Зиндер, с. 87].

Подобный опыт был и у А. С. Пушкина, в частности, при создании «Маленьких трагедий». Основной интерес представляет «Пир во время чумы», в котором, по утверждению Н. В. Яковлева, «черты гениального творчества <...> принадлежат Пушкину, а не Вильсону. Подлинник вовсе не великое произведение» [Яковлев, с. 151].

«Чумной город» Дж. Вильсона, несмотря на принадлежность к драматическому роду литературы, содержит эпическое начало: картины страдающего города

даны в их впечатляющей откровенности, но вне задачи их нравственной оценки. Так, сцена пира у Вильсона предстает на фоне ряда явлений, столь же достойных осуждения (мародерство, мошенничество и пр.). Безусловно, автор не мог уйти от изображения и другого морального полюса — в чумном городе живут и умирают свои герои, свои святые [Вильсон].

Пушкин заимствует у Вильсона только сцену пира. Формально разница между сценами у Пушкина и Вильсона не так уж велика: изменен финал, полностью изменены Песнь Мери и Песнь Председателя, последняя и по жанру, и по сути превращается в *Гимн*, невозможный в сцене Вильсона. Главные изменения касаются голосов персонажей, именно им принадлежит основная роль в создании нового произведения. Эти изменения отменяют очевидность моральной оценки такого пира, делают данную картину поводом для размышления, а не образцом решения морального вопроса.

В краткой сцене Пушкина представлен конфликт между жизнью и смертью, отражающий, в свою очередь, бездонную глубину человеческой личности [Новикова; Благой]. Конфликт, поистине трагический в своей неразрешимости, отражен в ситуации, лишенной какой бы то ни было схематичности, узнаваемого морализаторского смысла и не отягощенной излишней символичностью и мистическими деталями.

Осмысление того, какими художественными средствами это достигается, вводит исследователя в сложно организованный круг филологических и философских проблем. При этом проблематика исследования тяготеет к синкретизму, сходному с синкретизмом творчества самого Пушкина.

Драматургические (и не только) его искания первой Болдинской осени, как отмечают исследователи, демонстрируют «углубление *научного* (курсив наш. — О. З.) мышления поэта, которое становится все более аналитическим, точным» [Тойбин, с. 41]. Данный аналитизм во многом формирует особое правдоподобие пушкинских произведений, «неотделимое от самой природы искусства с его неизбежной долей условности вымысла» [Там же].

Эти искания отражены и в рассматриваемом цикле, и хотя он во многом остался незавершенным (как известно, даже название жанра — «Маленькие трагедии» — Пушкин не считал окончательным, и, что весьма показательно, одним из вариантов названия были «драматические изучения»), все же возможно осмысление и описание их результатов.

Особый художественный метод, использованный Пушкиным в «Маленьких трагедиях», может быть частично обозначен тезисом Ж. Б. Гюйо *Искусство есть конденсация действительности* [Гюйо]. Можно, видимо, принять в качестве уточнения следующую оговорку: под действительностью понимается не внешний мир, так или иначе открытый нашему восприятию, а тот объем информации о данном мире, который наше восприятие может обработать.

Сгущение реальности дается откровением, которое обнажает причины происходящего и скрытые от простого восприятия взаимоотношения предметов окружающего мира. Данное откровение позволяет автору увидеть происходящее глазами Вечности [Новикова], понять истинный смысл жизни и смерти. Это становится очевидным при сравнении Песни Председателя у Вильсона и Гимна того же героя у Пушкина. Весьма показательно, что с содержательно-композиционной точки зрения творения двух Председателей почти идентичны: описания Чумы, сделанные

на основе сравнений, и хвала ей. Операция сравнения, как известно, представляет собой основу процедуры классификации, позволяющей систематизировать определенные фрагменты знания [Черемисина]. Используемая как художественное средство, она делает возможным отражение фрагментов внутреннего мира, восприятия героя литературного произведения [Арутюнова].

Песнь Вильсонова Председателя — манифест поверженного, сдавшегося без боя, и его хвала Чуме — признание собственной кончины задолго до физической смерти:

*С дыханьем жгучим, ты одна
Достойно Смертью названа.
Спрячь, **Лихорадка**, рдяный лик:
Ждет девять дней твой страшный миг,
А врач водой в тебя плеснет —
Подмошки, вдаль стремишь полет.
Чахотка, убирайся прочь:
Убить в тепле — тебе невмочь.
Под громкий смех румяных уст
Уходишь ты, — твой саван пуст.
Эй, **Паралич**! В крови хоть лед, —
Полчеловека все живет.
Рука, нога, щека и бок
Тебе смеются под шумок,
А пред тобой не все ли — ниц,
Царица кладбищ и гробниц?! [Вильсон, с. 72].*

Сравнивая Чуму с другими недугами (паралич, лихорадка, чахотка), Председатель превозносит Чуму за скорость расправы и ее неизбежность (кроме того, поющий благодарит Чуму за то, что она карает мошенников, лицемеров и пр.). Единственная «защита» от Чумы, по мнению поющего, — пьянство и разврат, уводящие от тяжелой реальности. Припевом к Песне Председателя у Вильсона становятся следующие строки:

*Потому, склонясь на нежной груди,
Чуме я хвалу пою: иди!
Если в эту ночь ко мне слетишь,
В объятьях неги меня сразишь [Там же].*

Упоминание Чумы в ряду болезней подчеркивает биологический и даже физиологический характер восприятия смерти, который выдает безвольность принятия своей судьбы и нежелание задействовать духовную сторону своей личности.

У Вильсона Председатель подбирает средства сравнения, опираясь только на лексическое значение слова **чума**, где родовым компонентом семантики является 'тяжелое заболевание'. Те же компоненты образуют и семантику средств сравнения, нет никакого выхода за пределы бытового и, как уже говорилось, физиологического опыта.

У Пушкина Председатель пытается постичь смысл того, что происходит вокруг, и его средства сравнения весьма далеки от физиологии:

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,*

*И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!* [Пушкин, с. 378].

Гимн и хвала Чуме — это гимн человеческой отваге, для которой Чума — страшный в своей безжалостности **противник**, а не палач, противник, с которым можно и должно вступить в бой, чтобы остаться человеком, которого можно победить истовой верой в бессмертие. Отношение к Чуме как к испытанию дано в опыте, очень далеко от бытового, требующем напряженных и полных внутреннего драматизма переживаниях: «вызов судьбе, обстоятельствам, “здравому смыслу” есть высший момент жизни человека, когда он осознает свое величие, свою силу, свою раскрепощенность от всех навязанных ему норм поведения» [Макогоненко, с. 239].

Пушкинский Председатель сравнивает Чуму не с болезнями как недугами *тела*, а с испытаниями человеческого *духа*. Общий компонент значения в сравниваемых объектах не эксплицирован в лексической семантике, что подтверждает обоснованность данного сравнения не столько бытовым, сколько духовным опытом. Чума в этом ряду наисильнейшая — но тем сильнее должна быть воля к победе. Хвала Чуме, которую возносит Председатель у Пушкина, — это хвала суровости испытания, позволяющего по-настоящему глубоко оценить себя. Упоение здесь тоже частичный уход от реальности, но это движение не вниз, а вверх, это готовность предаться истинной вере, отстраняющей разум не как напоминание о невыносимой реальности, а как уже недостаточный для постижения механизм [Новикова]. И если сравнение, звучащее в речи героя Вильсона, предсказуемо и не объемно в смысловом отношении, то сравнение пушкинского героя в полной мере подтверждает тезис о том, что данная операция «выручает человечество в тех случаях, когда логика обнаруживает свою несостоятельность» [Никоненко, с. 102].

Завершается Гимн у Пушкина обращением к Чуме, но это не предложение «нравственно погибшего» [Макогоненко, с. 239], это вызов равного: *нас не смутит твое призванье* [Пушкин, с. 378], это отказ от страха, нежелание дать противнику возможность насладиться ужасом обреченного [Новикова; Макогоненко]. В Гимне Председателя у Пушкина человек побеждает с такой же очевидностью, с какой он проигрывает в Песне Председателя у Вильсона. В значительной степени «проходная» сцена драмы Вильсона под рукой Пушкина становится творением, возносящим хвалу и человеческому бесстрашию, и человеческому гению.

Гимн, несомненно, высшая, но не завершающая точка произведения, есть и тяжелое откровение Председателя: *я здесь удержан Отчаяньем, воспоминаньем страшным, Сознаньем беззаконья моего*, и фраза, звучащая словно из ниоткуда: *Он сумасшедший, — Он бредит о жене похороненной!* [Пушкин, с. 380–381]. Данное Председателю на миг откровение требует сильнейшего духовного напряжения, и его *глубокая задумчивость* в последних строках трагедии — одна из реакций на озарение. Испытанное прикосновение к **смыслу**, столь яркое в момент пережи-

вания, в продолжающейся реальной жизни сменяется сомнениями, и житейский здравый смысл «со стороны» может дать ему отнюдь не возвышенную оценку. В небольшом по объему драматическом произведении Пушкина действительность оборачивается разными гранями, глубочайшее постижение бытия может быть осмыслено не только как откровение, но и как отклонение от привычных бытовых воззрений.

Таким образом, «Пир во время чумы» демонстрирует как глубину понимания жизни, так и широту различных взглядов на нее, что позволяет утверждать, что *конденсация действительности* является одной из основ художественного метода Пушкина.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М.: Академический проект, 2015. 528 с.
- Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М.: Советский писатель, 1955. 268 с.
- Вильсон Джон. Город чумы. М.: Гослитиздат, 1938. 176 с.
- Гюйо Ж. М. Искусство с социологической точки зрения. СПб.: Типографское товарищество «Народная польза», 1900. 462 с.
- Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1982. 100 с.
- Макогоненко Г. П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). Л.: Худлит, Ленингр. отд., 1974. 464 с.
- Никоненко С. В. Аналитическая трактовка метафоры // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика / под ред. А. С. Колесникова. СПб.: Сайт Web-кафедры философской антропологии, 2003. С. 108–112. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/nikonenko-sv/analiticheskaya-traktovka-metaforu> (дата обращения: 29.05.2016).
- Новикова М. Живые, мертвые, бессмертные («Пир во время чумы») // Вопросы литературы. 1994. Вып. 1. С. 106–134.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / ред. Д. Д. Благой. Т. 4: Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Гослитиздат, 1960. 594 с.
- Тойбин И. М. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов // Пушкин: исследования и материалы. Т. VI. М.: Наука, 1969. С. 35–39.
- Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. М.: Наука, 2013. 272 с.
- Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–109.
- Яковлев Н. В. Об источниках «Пира во время Чумы» (Материалы и наблюдения) // Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. М.; Петроград: Госиздат, 1922. С. 93–170.
- Для цитирования:** Згурская О. Г. Из опыта сравнительного анализа «Пира во время чумы» А. С. Пушкина и «The city of the Plague» («Город чумы») Дж. Вильсона: о формах «сгущения» действительности в драматическом произведении // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 14–19. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.202

References

- Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Person and world of a person]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 896 p. (In Russian)
- Berdiaev N. A. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva: opyt opravdaniia cheloveka* [Philosophy of freedom]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2015. 528 p. (In Russian)
- Blagoi D. D. *Masterstvo Pushkina* [Art of Pushkin]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1955. 268 p. (In Russian)
- Wilson, J. *The City of the Plague*. Transl. from English by J. N. Verhovskiy, P. S. Suhotin (Russ. ed.: Vil'son Dzhon. *Gorod chumy*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1938. 176 p.)

Guyau J.-M. *Art from the sociological perspective* (Russ. ed.: Giuio Zh.M. *Iskusstvo s sotsiologicheskoi tochki zreniia*). St. Petersburg, Tipograficheskoe tovarishhestvo «Narodnaia pol'za» Publ., 1900. 462 p.).

Zinder L. R., Maslov Iu. S. L. V. *Shcherba — lingvist-teoretik i pedagog* [*Shcherba as a linguist, theoretician and teacher*]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 104 p. (In Russian)

Makogonenko G. P. *Tvorchestvo Pushkina v 1830-e gody (1830–1833)* [*Works by Pushkin in 1830s (1830–1833)*]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. 376 p. (In Russian)

Nikonenko S. V. Analiticheskaiia traktovka metafory [Analytical interpretation of metaphor]. *Rabochie tetradi po komparativistike. Gumanitarnye nauki, filosofii i komparativistika* [*Papers on comparative studies; Humanities, philosophy and comparative studies*]. Ed. by A. S. Kolesnikov. St. Petersburg, Web-Department of Philosophical Anthropology, 2003, 108–112 p. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/nikonenko-sv/analiticheskaya-traktovka-metafory> (accessed 29.05.2016). (In Russian)

Novikova M. Zhivye, mertvye, bessmertnye («Pir vo vremia chumy») [Live, dead, immortal (Feast in time of plague)]. *Voprosy literatury*, 1994, vol. 1, pp. 106–134. (In Russian)

Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenij: V 10 t.* [*Collected works: In 10 vols*]. Ed. by D. D. Blagoj. Vol. 4: Evgenij Onegin; Dramaticheskie proizvedeniia [Evgenii Onegin; Dramas]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960. 594 p. (in Russian)

Toibin I. M. Voprosy istorizma i khudozhestvennaia sistema Pushkina 1830-kh godov [Issues of historicism and Pushkin's art system of 1830s]. *Pushkin: issledovaniia i materialy. T. VI* [*Pushkin: Research and materials. Vol. VI*]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 35–39. (In Russian)

Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruktii russkogo iazyka* [*Comparative constructions in the Russian language*]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 272 p. (In Russian)

Shcherba L. V. Opyty lingvisticheskogo tolkovaniia stikhotvorenii. II. «Sosna» Lermontova v sravnenii s ee nemetskimi prototipom [Tentative analysis of linguistic interpretation of the poem “Pine tree” by Lermontov in comparison with its German prototype]. *Shcherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [*Shcherba L. V. Selected works on the Russian language*]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 97–109. (In Russian)

Iakovlev N. V. Ob istochnikakh «Pira vo vremia Chumy» (Materialy i nabliudeniia) [On the sources of “Feast in time of plague” (Materials and observations)]. *Pushkinskii sbornik pamiati professora S. A. Vengerova* [*Pushkin's collections in memory of Prof. S.A. Vengerov*]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922, vol. IV, pp. 93–170. (In Russian)

For citation: Zgurskaya O. G. Comparative Analysis of the “Feast in Time of Plague” by A. S. Pushkin and “The City of the Plague” by J. Wilson. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 14–19. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.202

Статья поступила в редакцию 28 января 2015 г.,
рекомендована в печать 9 ноября 2015 г.

Контактная информация:

Згурская Ольга Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент; olgazgurskaya@yandex.ru
Zgurskaya Olga G. — PhD, Associate Professor; olgazgurskaya@yandex.ru